

культурной экологии. «Без этого же духовно-душевного раскрытия, без перспектив возрождения самой человеческой сущности, – можно ли вообще говорить о перспективах человечества?» – задает риторический вопрос современный исследователь [2].

Глобальный экологический кризис поднимает проблему духовного оздоровления человечества. Утверждение высоких нравственных норм и идеалов требует выработки обществом определенной культурной формы, или спектра культурных форм, представляющих собой своего рода синтез наследия традиционных культур с требованиями модернизации, экологической этики (экология, понимаемая в различных аспектах, в том числе и экология культуры).

В этом плане актуальным становится решение проблемы межкультурного диалога, чрезвычайно существенного с моральной точки зрения для утверждения тех норм и идеалов, которые можно охарактеризовать как духовные в самом широком смысле этого слова.

Сама идея диалога культур была разработана еще М. М. Бахтиным и продолжена в работах В. С. Библера и других. М. М. Бахтин обосновал понимание культуры как формы общения людей разных культур, диалога. Он считал, что «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, а самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой» [4, с.85]. Именно диалог является механизмом самодетерминации личности и, как говорил М. Бахтин, фор: мой обретения восприятия «мира впервые».

Диалогическое понимание культуры не есть понимание диалога как всеобщей основы речевых жанров. Это диалог различных культур, что имеет важное значение для многонационального и поликультурного Крыма.

Говоря о диалоге представителей различных культур, мы имеем в виду культуры прошлые, настоящие и будущие, которые встречаются в общении в настоящее время. Так достигается преемственность, не распадается «связь времен», о чем мечтали шекспировские герои.

В эпоху глобализации с особой остротой проявляется нравственная сторона человеческих взаимоотношений, в том числе национальных и межкультурных. Бережное, уважительное отношение к культуре, культурным памятникам других народов является показателем духовного здоровья. «Нация, которая не ценит интеллигентность и культуру, обучена на гибель» (Д. С. Лихачев).

Источники и литература

1. Лихачев Д. С. Русская культура. – М., 2000.
2. Курикалов Ю. Христианский космизм и «русский путь» в экологии.
3. Библер В. С. От науко-учения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1990.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 2000.
5. Экология культуры. – М., 2000.

Кемалова Л.И. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА МАРГИНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Актуальность исследуемой проблемы состоит в том, что социальная структура общества, находящегося в кризисной ситуации, способствует причинам появления маргинальных групп. Беженцы, вынужденные переселенцы из горячих точек России и стран СНГ, как правило, создают особую маргинальную группу: этнокультурные маргиналы. Появление такой группы связано с тем, что поочередно обрываются их экономические, политические, культурные, социальные связи. Группы мигрантов, попадая в иную этнокультурную среду, становятся чужими даже тогда, когда пытаются более-менее безболезненно ассимилироваться. Иноэтнические группы ощущают значительное давление установившихся норм, традиций, ценностей со стороны этнокультурной среды, в которой оказываются. Социальный статус этнокультурных маргиналов определяется их нахождением на окраинах иноэтнических культурных систем. Этот статус дает лишь частичное признание этнических маргиналов со стороны доминирующих этносов. Этномаргиналы, как правило, вызывают неприятие, недовольство и раздражение у представителей иноэтнической культурной традиции, и носитель этнокультурной маргинальности может быть потенциальным источником конфликтности. Именно поэтому изучение форм как негативного, так и позитивного проявления маргинализации этнических групп в Крыму и разработка на этой основе программы по выявлению ресурсов преодоления культурной маргинальности – одна из наиболее актуальных задач, стоящих перед исследователями данной проблемы.

Цель данной статьи – раскрыть этнокультурные формы проявления феномена маргинальности в современной Украине.

Задача статьи – рассмотреть основные факторы возникновения этнокультурной маргинальности, последствия маргинализации этнических групп, а также пути преодоления маргинальности в современном обществе Украины.

Основой существования любой цивилизационной системы выступает ее самоидентификация. Чем выше уровень структурной организации той или иной цивилизации, тем большее количество идентификационных подсистем (государственных, национальных, этнических и конфессиональных) в ней присутствует. Нарушение идентификации свидетельствует о кризисе социальной структуры. Причиной кризиса идентичности могут быть самые разные факторы:

- иное цивилизационное влияние вследствие межэтнических контактов;
- асимметрия этнокультурных контактов, а также совмещение различных моделей социализации (традиции и современность) в этнически неоднородном обществе;
- миграция и урбанизация;
- культурная дифференциация взаимодействующих социумов, в результате чего процесс ассимиляции накладывается на специфику ментальности;
- размывание целостности социума через внедрение культурной многоукладности;
- установление норм поведения, не соответствующих культурным стереотипам;
- разрыв с привычной культурой и последующая смена ценностных ориентаций, мотивов деятельности, стереотипов поведения на индивидуальном уровне у значительной группы лиц [1, с.105].

Следствием кризиса идентичности выступает маргинальность, которая может актуализироваться на уровне разрушения этнокультурных стандартов.

Возникнув в 30-е годы в США как теоретический инструмент для исследования особенностей протекания культурного конфликта двух и более вступающих во взаимодействие этнических групп, концепция маргинальности рассматривалась в научной литературе с разных точек зрения. Отправным пунктом для самой постановки проблемы маргинальности стало изучение процессов миграции. В частности, понятие «маргинальная личность» было предложено Р.Э.Парком для обозначения культурного статуса и самосознания иммигрантов в ситуации необходимости адаптации к новому образу жизни. Таким образом, Р.Э.Парк трактовал феномен маргинальности как промежуточность положения человека, волею судьбы обреченного одновременно существовать в двух разных культурных группах. По мнению американского социолога, необходимым условием возникновения маргинальных ситуаций является пространственное перемещение, миграция. При этом важно отметить, что сама постановка проблемы принадлежит, скорее, Г. Зиммелю, впервые рассмотревшему социальный тип «чужака» как социальную универсалию. Последующие исследования (У.Г. Самнер, Э. Стоунквист, Р. Мертон, Э.Дюркгейм) показали, что культурная маргинальность – всего лишь один из видов маргинальности [2]. В настоящее время, в связи с нарастающими миграционными процессами, возрастает интерес к проблемам этнокультурной маргинальности, носители которой, в случае нерешенности этой проблемы могут быть потенциальным источником конфликтности. Среди отечественных исследователей этнического аспекта маргинализации можно отметить работы таких авторов, как Вергун Т.В., Климова С.Г., Скворцов Н.Г., Амирова А.А., Ядов В.А. и др. [3].

Разработка теорий этнокультурного взаимодействия породила концепцию аккультурации. Данная концепция была разработана в 1930-е годы американскими учеными Р. Редфилдом, Р. Липтоном, М. Херсковичем и др. Аккультурация означает феномен, появляющийся тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствием которого являются изменения элементов оригинальной культуры одной или обеих групп [4, с.205].

Согласно теории аккультурации, разработанной Дж. Берри, этот процесс связан с двумя основными проблемами:

- поддержание культуры (в какой степени признается важность сохранения культурной идентичности) и
- участие в межкультурных контактах (в какой степени следует включаться в иную культуру или оставаться среди своих).

В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяют четыре основные стратегии аккультурации:

- ассимиляция (это вариант аккультурации, при котором эмигрант полностью идентифицирует себя с новой культурой и отрицает культуру этнического меньшинства, к которому сам принадлежит);
- сепарация (означает, что представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности);
- интеграция (характеризуется идентификацией со старой и с новой культурами);
- этнокультурная маргинализация (если мигрант не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства) [4, с.205–206].

Маргинальные группы, не идентифицирующие себя с доминирующей культурой, лишают себя возможности участия на групповом уровне в производстве общезначимых ценностей. Тем самым они оказываются выключенными не только из культурных, но и политических процессов, которые являются прерогативой центральных институтов изменяющегося общества. Маргинальные группы становятся изолированными в культурном смысле, испытывая культурное одиночество. Подобное одиночество люди испытывают, когда чувствуют, что связь с собственным культурным наследием порвана или общепринятая культура неприемлема для их внутреннего мира. Ощущение утраты многого из того, что они привыкли считать само собой разумеющимся, отрыв от наследия, которое изначально было частью их жизни, представляет главным образом сложное отношение иммигрантов к их новой родине. В современной кросс-культурной психологии такое психологическое состояние иммигрантов в новой для них культурной среде называется культурным шоком. А. Фарнхем и С. Бочнер (именно они ввели этот термин в научный оборот) дали следующее определение: «Культурный шок – это шок от нового. Гипотеза культурного шока основана на том, что опыт новой культуры является неприятным или шоковым частью потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры» [Цит. по: 4, с.193]. Антрополог К.Оберг выделил несколько аспектов культурного шока. Среди них:

- напряжение, к которому приводят усилия, требуемые для достижения необходимой психологической адаптации;
- чувство потери или лишения (друзей, статуса, профессии, собственности);
- чувство отверженности представителями новой культуры или отвержения их;

- сбой в ролях, ролевых ожиданиях, ценностях, чувствах и самоидентификации;
- неожиданная тревога, даже отвращение и негодование в результате осознания культурных различий;
- чувство неполноценности от неспособности «совладать» с новой средой [4, с.193].

Культурный шок вызывается разными причинами. Среди них - этнические миграции, т.е. массовые перемещения, когда представители того или иного этноса добровольно или вынужденно покидают территорию места формирования этноса (или его длительного проживания) и переселяются в иное географическое или культурное пространство[4, с.192].

Маргинальность этнических групп связана с утратой социального и морального статуса в той или иной социальной общности, к которой они принадлежат в настоящий момент, или невозможностью занять доминантное или достойное положение в стране вынужденного или добровольного проживания. Основным признаком маргинальности, как мы уже отмечали, служит разрыв связей (социальных, культурных, поселенческих) с прежней средой и связанное с этим ограничение социальной мобильности. Опасность маргинализации этнических групп заключается в ее разрушительных последствиях, способствующих деформации самосознания, взглядов, убеждений, норм поведения этноса. При этом изменяется мотивировка поступков, происходит ревизия жизненных целей и позиций, утрачивается значимость и приемлемость норм общественного существования. Понятие «вертикальное перемещение социальных групп» можно применить и к этнической маргинальности. Например, утрата по каким – либо причинам своего социального статуса, может натолкнуть этнос на поиск другого пути, иного места в жизни, и как результат - способствовать эволюции самого этноса, хотя это нередко сопровождается стрессами, депрессией, а также агрессивными проявлениями. Нисходящие перемещения могут привести к деградации этноса, что, в свою очередь, изменяет социальную среду, угрожая стабильности государственного устройства. Классическим типом маргинальной этнической группы являются репрессированные народы, которые в результате насильственных перемещений в годы сталинизма оказывались в стране чуждой их культуре и образу жизни. При позитивном варианте маргинальность постепенно преодолевалась путем включения маргиналов в новую среду и приобретения новых черт. Негативный вариант маргинализации состоит в том, что состояние переходности и периферийности консервируясь, сохраняется надолго, а маргиналы несут в себе черты деклассированного, люмпенского поведения. Такой вид маргинальности является следствием нисходящей мобильности. То есть последствия миграции и насильственных перемещений в частности, во многом зависят от адаптивных способностей того или иного этноса, при этом немаловажное значение имеет и внешняя среда, способная дать ему определенные возможности, либо лишить его последней надежды.

Зачастую в результате политики искусственной маргинализации, сознательно проводимой властью, массы людей переходят в периферийное положение. Это происходит тогда, когда маргинальность становится чрезмерно массовым и долговременным социальным явлением и приобретает черты социальной устойчивости. В результате искусственной маргинализации, проводимой руководством страны в эпоху сталинизма, происходила маргинализация этнических групп, при которой значительная часть так называемых «ненадежных народов», проживавших на территории Советского Союза, подвергалась репрессиям и принудительному переселению. Характерными чертами маргинального статуса этих народов являлись их социальная изолированность, сокращение контактов и сужение социального окружения. В результате изменения былого социального статуса, маргинальное положение предопределило резкое сокращение большинства возможностей, которыми обладали народы. Они, попадая в трудную ситуацию, оказывались наедине со своими проблемами и бедами, при этом не удовлетворялись такие социальные потребности, как стремление к самоутверждению, признанию и одобрению другими этносами, потребность в защите со стороны государства. Положение многих депортированных народов, в том числе и крымских татар, усугублялось их положением «спец переселенцев» и соответствующим отношением к ним как со стороны властей, так и со стороны местных жителей. Кроме того, они попадали под общее определение – «русские» (что означало – «чужие») так же, как и армяне, евреи, украинцы. Маргинализационные процессы в среде переселенных народов углублялись, создавая препятствия для включения этих народов в полноценную жизнь. Потребовались десятки лет для социально-психологического и психофизиологического процесса приспособления личности к новым условиям социальной среды в местах вселения, т.е. для адаптации. Процесс адаптации осуществляется одновременно на физиологическом, биологическом, психологическом и собственном социальном уровнях. Как правило, это довольно продолжительный процесс, нередко осложненный трудностями обустройства мигрантов. В результате длительной адаптации представители депортированных народов сумели добиться определенного статуса в обществе, однако, все же их права во многом ущемлялись (в частности, был закрыт доступ в высшие эшелоны власти, в органы безопасности и др.). Необходимо отметить, что до распада СССР «русскоязычные» принадлежали к господствующей группе в номинально суверенных союзных республиках, в то время как коренные их жители, за исключением местной правящей верхушки, были членами маргинальной, подчиненной группы. В результате распада СССР, объединенные идеей национальной независимости и суверенности, прежние маргинальные группы приобрели, наконец, в своей собственной стране статус господствующих, а бывшие господствующие группы вынуждены были оставить прежние ключевые позиции и пуститься в поиски утраченной идентичности в качестве граждан других стран.

Нынешний маргинальный статус «русскоязычных» в республиках свидетельствует о существовании целенаправленной политики их вытеснения на социальную периферию путем конструирования образа «чужака». К этим механизмам относятся: апелляция к национальному самосознанию и призывы «быть хозяевами в собственной стране»; возложение на русских ответственности за нынешнее трудное положение

ние в республиках; занятие ключевых постов в управлении государством и экономикой «национальными кадрами» и т.д. В такой ситуации государство не может выступать гарантом исполнения законов и обеспечения безопасности своих граждан, более того – зачастую государство в интересах господствующих социальных групп осуществляет дискриминацию относительно данной категории граждан [5, с.10]. В силу этого, главными причинами вынужденного переезда являются: националистические настроения в республиках, общая тяжелая экономическая ситуация, отсутствие регулярной работы, незнание местного языка, трудности с образованием и будущей работой детей, криминогенная обстановка, угроза личной безопасности, нарушение прав гражданина и собственника. Среди основных выталкивающих факторов – национализм и тяжелое экономическое положение в республиках. Остальные причины являются производными от них [6]. Маргинальные группы полностью не исключаются из социально-экономических, политических и социокультурных связей, но их положение и исполняемые ими роли сильно меняются [7, с.66]. В условиях невозможности справиться с маргинальной ситуацией в контексте господствующей культуры, единственным рациональным решением становится бегство из нее, т.е. вынужденное переселение. Маргинальный статус мигрантов на новом месте характеризуется тем, что они, с одной стороны, вследствие смены социального окружения становятся «типичными» по своим этническим характеристикам и образу жизни в местах компактного проживания, но с другой стороны, – для иных народов они – «другие», «чужие», такие же, как и на прежнем месте жительства. Кроме того, значительная нисходящая мобильность, неопределенный правовой статус, невозможность применить профессиональные знания и опыт, недостаток ресурсов для обеспечения жизни создают маргинальность промежуточности, переходности, трансформации базового социального статуса, или динамическую маргинальность [8, с.46]. Все это позволяет характеризовать состояние вынужденных мигрантов на новом месте жительства как маргинальное, исходом которого должны быть либо интеграция, либо опускание на социальное дно. Подавляющее большинство людей перешли в результате переезда на низшие ступени социальной иерархии; их «потолок» сегодня – средние слои общества. Любой вынужденный мигрант определенное время является бездомным и безработным. Острая депривация материальных потребностей, отсутствие жилья, дохода вносят свой вклад в маргинализацию этой группы. Наиболее острые проблемы – проблемы материально-бытового плана (нехватка средств для нормальной жизни, отсутствие жилья, регулярной работы). Основным источником средств на переезд стала продажа недвижимости, причем зачастую за бесценок. Потери в связи с переездом можно охарактеризовать как «множественные», т.к. они не ограничиваются лишь материальными ресурсами людей. Субъективная составляющая маргинальности – негативные переживания по поводу маргинальной ситуации своего несоответствия окружению либо своему новому статусу. Объективные материальные трудности накладываются на состояние фрустрированности от потери имущества, разительна разница прошлых и нынешних условий жизни. Усугубляют это состояние потери социальных связей и личностных ресурсов. Кроме этого, возникают социально-психологические проблемы вынужденных мигрантов:

- неуверенность в завтрашнем дне;
- зависимость от внешних обстоятельств;
- чувство бесполезности для людей и общества;
- неуверенность в себе, неумение себя подать;
- неумение ориентироваться в ситуации.

Специфической для мигрантов является также проблема социально-правового статуса на новом месте жительства.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что, несмотря на определенные трудности, нельзя рассматривать вынужденных мигрантов как «социальных» инвалидов, требующих заботы и внимания со стороны общества и государства, т.к. у них имеется большой спектр ресурсов, позволяющих им интегрироваться в особую социальную среду самостоятельно. Среди таких ресурсов:

1. Социальные ресурсы: наличие родственников, друзей на новом месте. Помощь мигрантам приходит, прежде всего, от родных. Важным фактором вхождения в новую среду становятся трудности, общие с местным населением. Это способствует самоидентификации себя с местными.
2. Экономические ресурсы: привезенное с собой имущество, деньги. Подобно безработным, вынужденные мигранты обычно трудоустраиваются с сильным понижением социального статуса.
3. Правовые ресурсы: гражданство, прописка. Это важно в трудоустройстве и решении жилищной проблемы.
4. Деятельностные ресурсы: готовность взяться за любую работу, готовность к трудностям. С преодолением трудностей на новом месте тесно переплетены позитивные эмоции: сознание, что они на родине, в своей этнической среде. Психологическая подготовка к трудностям является базой совладания с этими трудностями.
5. Символическая компенсация за утраченные возможности: поиск плюсов в любом событии. Это помогает избежать стрессов и трезво оценить свои возможности.
6. Эмоциональные ресурсы: на фоне дискриминации на прежнем месте жительства попадание в свою этническую среду рассматривается как благо.
7. Помощь со стороны государства и общественных организаций.

Таким образом, изучение этнического аспекта маргинализации в современном обществе является важной задачей, стоящей перед исследователями, ибо от ее решения зависит межэтническое согласие в Крыму. При всей сложности ситуации мигрантов на новом месте жительства, важными ресурсами совладания в условиях необходимости начинать жизнь заново являются социальные связи и такие деятельностные ресурсы, как опора на собственные силы и готовность к проявлению активности. Вопрос преодоления маргинального положения этнических групп – это проблема не только данного этноса, но и всего об-

щества в целом, т.к. от ее решения зависит социальное благополучие. Однако и представители самих этнических групп должны изыскивать внутренние ресурсы по решению данной проблемы. В заключение хотелось бы привести слова А.Д. Шоркина, отметившего в статье «Обретение этнокультурной идентичности», что «тонкий и сложный процесс обретения личностью этнокультурной идентичности... имеет оптимальным и продуктивным условием всю широкую и сложную гамму взаимодействий этносов как свободных и равноправных в обществе. Лишь на этом пути обретают непустое будущее и сами этносы, лишь так возможно преодоление межэтнической напряженности и достижение согласия» [9, с.43].

Источники и литература

1. Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // Общественные науки и современность. – М.: Наука, 2002. – С.104–115.
2. Парк Р. Культурный конфликт и маргинальный человек // Соц. и гум. науки. Отеч. и заруб. литер. Сер. 11 Социология. – М.: ИНИОН? 1998. - № 2. – С. 172–175; Stonegyst E. V. The Marginal Man. A Study in personality & culture conflict. – New York, Russel & Russel, 1961. – P.218; Зimmel Г. Социальная дифференциация. – М., 1909.
3. См., например: Вергун Т.В. Этнокультурная маргинальность: философские аспекты анализа. - дисс. на соиск. ученой степени канд. философ. наук. – 09. 00. 13. – Ставрополь, 2001. – 171 с.; Ядов В.А. Социальная идентификация личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. – М., 1994. – Кн. 2. – С. 85 –104; Амирова А.А. Маргинальность в контексте социально-политической модернизации Казахстана. – Автореф. дисс. на соиск. ученой степ. канд. полит. наук. – 23.00. 02. – Алматы, 2002. – 25 с. и др.
4. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учебное пособие. – М.: Ключ – С.1999. – 224 с.
5. Балеев И. Р. Вынужденная миграция населения как социальный процесс: проблемы исследования и регулирования. – Автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. социол. наук. – Уфа, 1997. – 10 с.
6. Маргинальность в современной России. // Колл. моногр. под. ред. Балабановой Е.С. – М., 2000. – 94 с.
7. Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе // Социс. – 1999. – №7. – С.62 –71.
8. Попова И.П. Маргинальность. Социологический анализ. – М,1996.
9. Шоркин А.Д. Обретение этнокультурной идентичности // Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения / Под ред. Габриэляна О.А., Коростелиной К.В., Шоркина А.Д. – Симферополь: ДОЛЯ, 2002. – 300 с.

Костенников А.М. МУЗЫКАЛЬНОСТЬ ЧЕХОВА И ПОЭТИЧНОСТЬ ВАГНЕРА: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ

Историю культуры Крыма трудно представить без творчества А. П. Чехова. Необыкновенные красоты Южного берега волновали художественное воображение писателя. Здесь происходили интереснейшие встречи с выдающимися творческими личностями. Сюда, к нему в гости, приезжали МХАТовцы. В Крыму зарождались творческие замыслы впоследствии нашедшие воплощение в его произведениях.

В его художественном наследии заложено столько проблем способных зажечь творческую фантазию и выразиться настолько необычно в темах, которые вызывают не только удивление, но и обладают шокирующим эффектом. Одним из таких является параллель в творческом мышлении двух, совершенно непохожих, художников как А. П. Чехов и Рихард Вагнер.

То, что творчество А.П. Чехова чрезвычайно музыкально, это общеизвестно. Именно это обстоятельство обогатило современную музыкальную культуру такими шедеврами как балеты “Дама с собачкой”, “Чайка” Р. Щедрина по одноименным произведениям Чехова, “Анюта” В. Гаврилина по “Анна на шее”, опера “Скрипка Ротшильда” В. Флейшмана - Д. Шостаковича по одноименному рассказу и другие. Кроме этих произведений, нашедших свое музыкальное воплощение, пронизаны музыкой рассказы “Черный монах”, “Палата №6” и другие. Музыкальная особенность творчества Чехова заявлена им уже в одном из самых ранних рассказов “Два скандала”, вошедшего в самую первую книжку рассказов “Сказки Мельпомены”, изданную в 1884 году. Этим не исчерпывается перечень так называемых музыкальных рассказов А.П. Чехова, которые раскрывают широкий диапазон музыкальных увлечений писателя. Так, например, однажды услышанная “Вторая рапсодия” Листа, в исполнении знаменитого, для того времени, дирижера и пианиста Петра Адамовича Шостаковского (в музыкальном отделе Всероссийской выставки), так увлекла Антона Павловича Чехова и его брата Николая Павловича, что ее с тех пор можно было слышать по нескольку раз в день дома в исполнении Николая. Напомню, что именно об этой рапсодии Листа идет речь в рассказе “Забыл!”.

В один из субботних вечеров 1884 года на зимней квартире у Л.В. Гамбурцевой, в Москве, произошла встреча с совсем еще юным кадетиком, как пишет брат Чехова Михаил Павлович, “который не принимал никакого участия в общем, веселье, а сидел у рояля и задумчиво тренькал одной рукой по клавишам.

После танцев хозяйка ему сказала:

– Саша, сыграйте нам что-нибудь.

Кадетик тотчас встрепенулся и стал играть известный концерт на мотивы из “Гугенотов”, очень труд-